

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОЛОГИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 394
ББК 63.529

МЕЖДУ ФЕРМЕРОМ И ЧАБАНОМ: ХОЗЯЙСТВО И ОБРАЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННЫХ АЛТАЙЦЕВ

ДЕНИС ВЛАДИМИРОВИЧ МАСЛОВ

(Независимый исследователь: Российская Федерация, Московская обл., г. Одинцово)

***Аннотация.** Скотоводство — основа хозяйства и образа жизни большинства алтайцев, проживающих в Республике Алтай сегодня. Но ни хозяйственно, ни социально, ни культурно оно не ограничивается непосредственно скотоводческой практикой. Как собственно хозяйственная модель скотоводство современных алтайцев невозможно без ряда других хозяйственных занятий. Вкупе с этими хозяйственными занятиями оно представляет собой систему социальных отношений, складывающуюся вокруг хозяйственных практик, которые показывают, как современная культура алтайцев адаптируется к вызовам социального усложнения, создавая механизмы интеграции различных образов жизни, и наделяет их культурным смыслом.*

***Ключевые слова:** современная этническая культура алтайцев, скотоводство, образ жизни, социальное усложнение, модели социальной интеграции.*

Многие исследователи современной культуры аборигенов Алтая считают важным социальным вызовом миграцию населения из села в город [Тюхтенева 2009; Алтайцы 2014]. Республика Алтай состоит из 10 районов, 92 сельских поселений, и 245 сельских населенных пунктов и 1 города (во всяком случае, так было в 2010 году). С семидесятых годов XX в. соотношение общей численности городского и сельского населения в границах современной Республики Алтай остаётся относительно стабильным: 25–26% населения проживает в городе, 74–75% — в селах [Республика Алтай в цифрах 2006, 49]. В численных показателях в 2010 г. городское население составляло 56 013 человек, сельское — 154 712 человек [Демографический ежегодник, 2008, 8].

С 1970 г. наблюдается постоянный рост численности алтайцев вообще: с 46 800

человек в 1970 г. до 62 200 человек в 2002 г. Рассматривая эти данные сквозь призму разделения населения на сельское (рост с 43 200 человек в 1970 г. до 52 000 человек в 2002 г.) и городское (рост с 3 600 человек в 1970 г. до 10 200 человек в 2002 г.) население [Республика Алтай в цифрах 2006, 52], можно отметить резкий рост городского алтайского населения после 1989 г. В постсоветский период, с 1989 по 2002 г., численность алтайцев-горожан выросла почти в два раза: с 6 200 человек в 1989 г. до 10 200 — в 2002 г. Перепись 2010 г. показала следующее соотношение городского и сельского населения среди алтайцев: 16 915 человек городского населения и 57 323 человека сельского, т. е. 22,8% и 77,2% соответственно [ВПН 2010]¹.

Как видно из статистики, существует заметная категория алтайцев, почти четверть населения, для которых характерен

¹ Следует отметить, что это данные по всей территории Российской Федерации, где алтайцев больше на 5500 человек, чем алтайцев, проживающих в Республике Алтай.

образ жизни, существенно отличающийся от образа жизни остального большинства, и вследствие этого не воспринявших в процессе социализации набор поведенческих навыков, имеющих не только хозяйственное значение, но и моральную ценность и культурный смысл. Эту дистанцию в навыках ярко характеризовала одна из моих собеседниц, заметив о приехавших в гости в деревню родственниках: *«Городские! Даже барана разделить не умеют»*.

Переезжая в город, алтайцы не теряют свою идентичность, сохраняя повседневные связи с людьми, постоянно живущими в сельской местности, которые часто являются семейной группой. Две фундаментальные особенности современной экономической и социальной жизни в Республике Алтай создают необходимые условия для существования такого вида отношений. С одной стороны, городская нуклеарная семья, особенно если она образовалась недавно, в большинстве случаев испытывает сложность в поддержании хозяйства, и ее поддержка деревенской, часто родительской, частью семьи воспринимается как необходимость и норма [Доронин 2015, 140–144]. С другой стороны, экономически самодостаточная сельская семья в отдельные хозяйственные периоды, такие, как заготовка дров, сенокос, отел, стрижка скота и даже подготовка к важным событиям жизненного цикла, испытывает необходимость в привлечении больших трудовых сил, чем располагает в повседневной жизни, и удовлетворяет эту потребность за счет мобилизации членов родственной группы, проживающих в городе. Таким образом, как городские, так и сельские алтайцы сохраняют крепкие и постоянные (социальные) связи друг с другом. Эти связи формируют сложную систему общения — цикл постоянных обменов, которые имеют хозяйственное или символическое значение для отдельной родственной группы, но, кроме этого, наделяют культурным смыслом разные образы жизни. И хозяйство в этой системе играет важную роль.

Кочевое скотоводство как модель хозяйства

Как и хозяйственная система в целом, скотоводство алтайцев изучено хорошо и в своем классическом состоянии, на

период конца XIX — начала XX в., и в своем современном виде. Кочевое скотоводство исторически являлось основой хозяйства южных алтайцев, и практически все работы о традиционной культуре этого народа содержат сведения об этой культурной черте. Более того, именно кочевое скотоводство было одним из важнейших элементов, отличавших культуру южных алтайцев от культур народов Северного Алтая, для хозяйства которых была более важно стойло-выгонное скотоводство, земледелие, охота и собирательство.

Тип скотоводства южных алтайцев до коллективизации принято характеризовать как отгонно-пастбищное скотоводство с вертикальной перекочевкой со скотом в пределах межгорных долин. Зимние пастбища, которые использовались в период с августа по май, располагались, как правило, в низовьях горных долин. В летний период скотоводы перекочевывали в их верховья. Климатические условия и особенности ландшафта конкретной местности определяли структуру перекочевок и выбор места для стойбищ и выпаса скота [Екеев 2016, 63]. Современная модель скотоводства алтайцев сохраняет кочевой фундамент этого занятия. Повсеместно практикуются сезонные отгоны основного поголовья скота с зимних пастбищ на летние и обратно, а также круглогодичный выпас взрослого поголовья скота (овец, коз, лошадей, быков) на подножном корму [Екеев 2016, 64].

Современное скотоводство алтайцев, видимо, разнообразнее его дореволюционной формы. Анализ модели организации современного скотоводства алтайцев осложнен произошедшим экономическим расслоением в обществе, которое отразилось в том числе и на масштабах хозяйств. По меткому замечанию С. П. Тюхтеновой: «Сегодня в алтайском селе параллельно сосуществуют две различные экономические системы: натуральное нетоварное хозяйство, базирующееся на экстенсивном скотоводстве, и интенсивное товарное животноводство» [Тюхтенева 2011, 122]. Однако масштабы этого расслоения, видимо, не так велики. Так, на начало 2005 г. в Республике Алтай было 1305 крестьянских-фермерских хозяйств, в то время как личных подсобных хозяйств насчитывалось 40 тысяч [Тюркские народы Сибири 2006, 402]. Существуют заметные

различия между юридически оформленными субъектами хозяйственной деятельности, которые благодаря своей организационной форме имеют ряд преимуществ в отношениях с государством и капиталом, и всеми остальными способами хозяйствования, которые, по характеристике Н. В. Екеева, «имеют потребительский характер, традиционны, обладают иным мотивационным механизмом» [Екеев 2016, 45]. Модель скотоводства подавляющего большинства алтайцев сегодня остается нетоварной.

Проведенное в 2003–2005 гг. этносоциологическое исследование хозяйства «сельских» алтайцев показало, что модели нетоварного хозяйствования различаются от одного района к другому в связи с несколькими параметрами. В первую очередь модель организации зависит от того, когда и как происходила трансформация коллективного хозяйства. Вторую, но не менее важную роль играет ландшафт конкретного района и местности [Екеев 2016, 64–79].

Описание современного состояния хозяйства алтайцев, приведенное Н. В. Екеевым, показывает наличие как минимум двух разных нетоварных скотоводческих практик у этого народа сегодня, первую из которых можно назвать фермерством, а вторую — чабанством. Фермерская модель выпаса скота заключается в том, что «жители небольшого села объединились в семейно-родственные группы (некоторые оформлены как фермерские хозяйства) и осуществляют совместный выпас и содержание своего скота по отдельным урочищам, где расположены их зимние животноводческие стоянки (скотные дворы, дома и т.п.), полученные по паям при разделе колхозного имущества и земельных угодий. На летних стоянках, где обычно живут взрослые мужчины, имеется легкое летнее жилье (аилы, шалаши). Пасут скот по очереди (меняясь через каждые 10–14 дней), в заготовке сена участвуют все работоспособные члены семей» [Екеев 2016, 65]. Чабанство предполагает, что выпас скота осуществляется членами одной (нуклеарной) семьи, которые могут выпасать скот других членов группы родственников и брать скот членов соседской группы за плату. Такая модель распространена среди теленгитов Кош-Агачского района [Екеев 2016, 69].

Таким образом, разница между товарным животноводством и личным подсобным хозяйством в современной экономике алтайцев — это разница между скотоводством как бизнесом и скотоводством как образом жизни. При этом большинство хозяйств алтайцев не включены в институционализированные товарные отношения. Нетоварное скотоводство, как показывает исследование Н. В. Екеева, может быть организовано как артель (например, в Онгудайском р-не) или полагаться на профессионализм членов одной семьи (в Кош-Агачском р-не). Разница между этими практиками современного скотоводства алтайцев заключается не только в самой модели хозяйствования, но и в социальной организации, которая воспроизводится в связи с одной из вышеперечисленных практик скотоводства, и появляющемся при этом образе жизни.

Стоянка как образ жизни

Для пояснения того, какие культурные значения и социальные роли создает одна из моделей современной организации скотоводства в Республике Алтай, обратимся к анализу хозяйственной практики скотоводства в одной из кош-агачских семей.

Кош-Агачский район в этнокультурном плане отличается от других районов Республики Алтай. Его населяют преимущественно казахи и теленгиты. Последние отличаются от алтай-кижи, алтайцев в узком смысле слова, в языковом отношении и особенностями этнической культуры. Подробно об этом писали многие исследователи, среди которых можно выделить работы В. П. Дьяконовой [Дьяконова 2001] и А. Халембы [Халемба 2006].

Сегодня большинство жителей Кош-Агачского района проживает в деревнях — стационарных населенных пунктах с уличной планировкой, преимущественно в одноэтажных деревянных или кирпичных зданиях. Устройство домохозяйств в деревнях Кош-Агачского района типично и не отличается от тех, которые можно встретить в других районах Республики Алтай. Как правило, домохозяйство состоит из жилой постройки, летней кухни, бани, гаража, часто служащего и другим хозяйственным целям, строений для содержания скота. [Енчинов 2016, 80–74].

Опыт деревенской жизни, однако, не является единственным, который распространен здесь. Кроме стационарных населенных пунктов, в районе существует другой тип поселения и образ жизни. Хотя он характерен для небольшого количества людей, именно от него часто зависит экономическое благополучие большинства деревенских жителей. Экономика домохозяйств современных теленгитов, как и у остальных алтайцев, основана на владении скотом. Важная часть хозяйственной жизни местных жителей — организация и обеспечение необходимых скоту условий содержания. Поскольку каждая отдельная семья самостоятельно организует свою систему хозяйствования, можно наблюдать несколько местных подтипов современного скотоводства. Однако, наряду с различиями, существуют и общие черты скотоводства. Так, большинство семей круглогодично содержат крупный рогатый скот непосредственно в деревне, тогда как мелкий рогатый скот в летнее время отдается на выпас людям, специализирующимся на этой работе.

В июле — августе 2007 г. благодаря гостеприимству семьи Тутмановых и помощи семьи Ядановых мне удалось провести двадцать дней на одной из двух стоянок, находящихся в урочище Кок-Озек в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Стоянка находилась приблизительно в 40 км от ближайших населенных пунктов: Кош-Агача, Мухор-Тархаты и Ортолыка. Ее главой была женщина пятидесяти лет, вместе с ней на стоянке жили и работали ее дочь 25–30 лет с двумя ее несовершеннолетними детьми и два сына, одному из которых было двадцать, а другому — шестнадцать лет. Старший сын главы домохозяйства постоянно проживал в с. Ортолык, поскольку имел постоянную работу шофера, но периодически приезжал на стоянку, доставляя различные продукты: хлеб, крупу, консервы. Младшая дочь, девушка двадцати лет, проживала в с. Мухор-Тархата со своим супругом, который также периодически приезжал на стоянку, привозя продукты. Кроме них на стоянке работал и жил семнадцатилетний молодой человек, не связанный прямыми родственными и свойственными отношениями с этой семьей. Его работа была платой за то, что Тутмановы выпасали скот его семьи.

Мелкий рогатый скот (бараны, овцы, козы, козлы) составлял основной объект хозяйствования на этой стоянке. Численность стада, по словам главы домохозяйства, составляла 750–800 голов, из них только около 250 голов принадлежали семье Тутмановых, в то время как остальная, большая часть стада состояла из скота, взятого на выпас у других семей, проживавших в поселках Ортолык и Мухор-Тархата Кош-Агачского района. Последние оплачивали услуги семьи Тутмановых.

У Тутмановых было домохозяйство в с. Ортолык, и одна часть семьи вела кочевой образ жизни круглый год, а другая — приезжала на стоянку только периодически. Стоянка в урочище Кок-Озек не была круглогодичной, а использовалась как место для летнего выпаса скота. Осенью и весной стоянка находилась в другом месте, а зимой — в третьем. Та часть семьи Тутмановых, которая участвовала в хозяйственной деятельности круглогодично, состояла из двух человек: главы семьи и ее двадцатилетнего сына. Остальные присоединялись к ним на стоянках лишь периодически.

Жизнь на стоянке воспринималась теми, кто находился здесь, как постоянно, так и временно, шире своего хозяйственного содержания, т. е. организации процесса выпаса скота и повседневной бытовой работы. Стоянка служила пространством, где воспроизводился и создавался специфический социальный и культурный опыт, выходящий за рамки нормы повседневной деревенской жизни.

Образ жизни на стоянке и ее пространство имеют как минимум две модели восприятия. С одной стороны, стоянка — это образ жизни и пространство, в котором находится экономический центр родственной группы, локальные границы которой не сводятся к одному домохозяйству, но распространены на различные поселения. Это модель восприятия тех, кто стационарно участвует в кочевании. С другой стороны, стоянка — это пространство, созданное досуговыми практиками.

Ведение кочевого образа жизни и занятость в скотоводстве в современной культуре алтайцев (теленгитов) воспринимается не только как профессиональный навык, но и как социальная роль, которую передают и принимают члены одной

Стоянка Тутмановых в урочище Кок Озек, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай. В центре две жилые постройки: *киис айыл* и *тура*. Фото автора, 2007 г.

Tutmanovs' encampment at Kok Ozek the ecosite, Kosh-Agach district of the Altay Republic. In the center there are two dwellings: "kiis ayil" and "tura". Photo taken by the author, 2007

семьи. В. П. Дьяконова в своем исследовании культуры алтайцев (теленгитов) писала: «Теленгиты, работающие чабанами, пастухами, табунщиками, навыки своей профессии получают не через профессиональные школы. В большей степени эти профессии — семейно-династические союзы или создаются через институт наставничества» [Дьяконова 2001, 15]. Эта же парадигма восприятия практики кочевого скотоводства как семейного дела воспроизводилась и на стоянке Тутмановых.

Хозяйственные практики и социальная интеграция

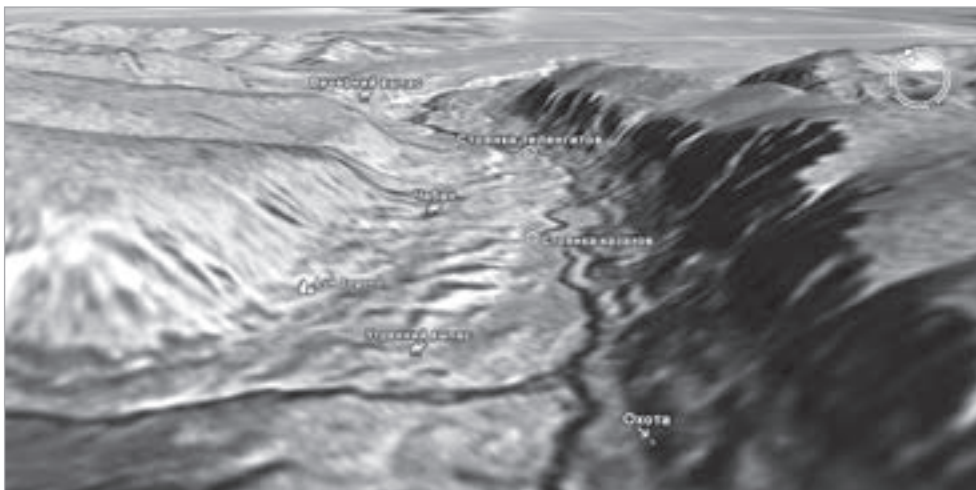
Анализ культурного значения и социальной ценности двух жилых построек *айыл* и *тура* в домохозяйстве стоянки дает возможность показать особенности восприятия кочевого хозяйства с точки зрения различных образов жизни и типов повседневности (см. фото). Члены домохозяйства использовали слово *айыл* для обозначения юрты без, кажется, необходимого уточнения (*кийис*), противопоставляя ему слово *тура*, которое может обозначать избу или город [Баскаков 2005, 158], а здесь имело первое значение. Биографии двух этих построек имели разные траектории и были основаны на контрасте образов жизни и типов повседневности, в которых они бытовали.

Образ жизни, который был характерен для стоянки, его культурный смысл и социальное устройство, определялся хозяйством. Труд был распределен по половому признаку. Выпас скота поочередно вели двое молодых людей. За бытовые

нужды — приготовление еды, мытье посуды, стирка — отвечали женщины. Центром социальной жизни было жилище главы домохозяйства — войлочная юрта. Здесь все жители стоянки завтракали, обедали и ужинали, собирались в вечерние часы для совместного досуга, принимали гостей. Но *киис айыл* был чем-то большим, чем просто жилая постройка, в которой проводили свободное время.

Айыл, принадлежащий домохозяйству, воспринимался как жилище, которое получила от своей матери нынешняя «глава» домохозяйства, занимающаяся отгонным скотоводством не менее 30 лет. *Айыл* не просто был получен по «наследству», но и выступал как символ образа жизни той группы людей, которая профессионально занимается скотоводством, которую в поселках называют «чабанами». Обладание этим типом жилища чаще всего свидетельствует об опыте и навыках владельца, которые он передает следующему поколению. Говоря иначе, имеющая его семья — это группа, которая профессионально и легитимно занимается кочевым скотоводством и имеет социальное одобрение на этот род деятельности.

Не только сам *айыл* благодаря своей биографии, но и его материальный мир символически собирали семью Тутмановых в одном месте и образе жизни. Как и в деревенских домах или городских квартирах, пространство внутри него было насыщено вещами (фотографиями, подарками, предметами личного пользования), которые показывали родственную сеть, одной частью которой были люди,

Реконструкция структуры хозяйственного использования пространства в урочище Кок Озек, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай. Выполнено автором по полевым материалам июля 2007 г.

Reconstruction of the household space utilization at Kok Ozek the ecosite, Kosh-Agach district of the Altay Republic. Based on field materials from July 2007, created by the author

живущие на стоянке, другой — люди, повседневная жизнь которых проходила в других местах.

Тура — бревенчатый сруб с плоской земляной крышей — не вписывалась теленгитами в семейные или личные истории ни материально, ни вербально, ни символически и была примером иного культурного значения кочевания. Она представляла собой стационарное жилище, постоянно находящееся на одной из сезонных стоянок, хотя его можно перевозить с помощью грузовой машины, разбирая в одном месте и собирая в другом². Рассказы о ней были рассказами о других людях, связанных профессионально, а не родственно, которые жили в ней раньше. Как жилище она не воспринималась и не получала символического насыщения как семейное пространство. Наоборот, культурная биография *туры* представляла собой коллективную несемейную биографию хозяйственного пространства. Например, это символически было выражено на внешних стенах *туры*, на которых было вырезано множество имен и фамилий с указанием года, оставленных ее прошлыми жителями, не связанными с нынешними владельцами.

Различия в типах повседневности и связанных с ними восприятиях кочевого образа жизни объективировались не только в материальной культуре, но и в восприятии окружающего пространства и моделях поведения в нем. Связь жителей стоянки с поселком не прерывалась во время моего пребывания, и это воспринималось как норма. Большая часть из находившихся на стоянке людей рассматривала этот образ жизни как временный. Постоянным он был только для двух человек. Родственная сеть семьи, владевшей домохозяйством, состояла и из людей, постоянно живущих в поселке. Они посещали стоянку регулярно, в среднем один раз в две недели, подвозя продукты, сигареты, спиртное, новости.

Приехавшие из поселка были включены в жизнь стоянки по-особому. Их хозяйственные обязательства считались выполненными фактом приезда и привоза продуктов и вещей, поскольку с их стороны он требует инвестиций как при подготовке (покупка продуктов, подбор времени), так и при осуществлении (дорога идет по пересеченной местности и занимает три-четыре часа). От них не требовалась помощь в бытовых делах (хотя

² Так, например, тура домохозяйства семьи стояла раньше в полутора километрах к северу от нынешнего места, которое в разговорах определяли как «нехорошее», поскольку там произошло несколько убийств и самоубийство. Интересно, что опасность связалась не с самой постройкой, а с местом, в котором она находилась.

они ее оказывали), а досуговая модель поведения была для них главной. Приехав на стоянку, они рыбачили, собирали ягоды, охотились. Эта модель поведения на стоянке характерна не только для гостей на ней. Те, кто находился здесь весь сезон, использовали ее, как только у них появлялось время, свободное от основных хозяйственных занятий.

Досуговая модель поведения и восприятия образа жизни на стоянке на ней прямо происходила из перспективы повседневности сельского жителя. У жителей поселка есть идиома «гулять на природе», которая означает выход за пределы жилого пространства с досуговыми целями. Такая модель поведения часто является одной из составных частей свадьбы, при которой молодые люди, участвующие в свадьбе, покидают пространство, в котором проходила основная часть праздника. Для приезжающих на стоянку жителей деревни этот опыт интерпретируется в категориях и практиках досуга. В этом заключается вторая модель восприятия образа жизни на стоянке, которую используют люди, постоянно проживающие в населенных пунктах.

* * *

Описание современной повседневной жизни алтайцев показывает, что она включает в себя множество образов жизни, различных социально и культурно, но тем не менее интегрированных в цельный жизненный опыт. Миграция, особенно молодежи, из сельской местности в город, появление городских алтайцев породило не конфликт противоположных образов жизни — городского и сельского, — а их сочетание. Родственная группа для современных алтайцев представляет собой не локальную единицу, схожий образ жизни и повседневный опыт, а напротив — систему социальных отношений, выходящую за конкретные территориальные и административные границы, характеризующуюся высокой мобильностью в экономических и культурных целях, и поиском общих значений и смыслов объектов и символов этнической культуры.

Пример Тутмановых иллюстрирует социальную жизнь современной алтайской расширенной семьи, социальную и культурную границу между образом жизни в деревне и на стоянке. Смысл, который порождает эта граница, и тот материальный

инструментарий, с помощью которого она преодолевается, типичен для социального опыта современных алтайцев. Схожий разрыв образуется не только между образом жизни на стоянке и в деревне, но и между городским и сельским образами жизни — фактом, который существенно влияет на процессы трансформации современной этнической культуры алтайцев. Это дает возможность понять, как происходит интеграция между различными образами жизни, характерными для алтайского общества.

Миграция молодежи из деревни в город трансформирует систему социальных связей и создает специфику связей хозяйственных. Однако местом, где происходят главные события не только хозяйственного, но и жизненного цикла современных алтайцев, является деревня. К этому относится не только рождение детей, свадьбы, похороны, регулярные календарные праздники, но и менее этнографические события, порожденные светской культурой, такие, как празднование юбилеев, получение образования, проходы в армию и встреча из нее.

Сельские жители вовлекаются в хозяйственные практики кочевого скотоводства, отдавая скот чабанам или занимаясь выпасом самостоятельно. Однако независимо от модели организации выпаса скота неизменной остается необходимость дополнительных хозяйственных практик. Если сам выпас скота как практика воспринимается как специфический образ жизни, характерный для небольшой группы людей, которая может справиться с ним самостоятельно, то сопутствующие ему занятия, такие, как обеспечение скотоводов продуктами, покос сена, участие в отеле скота, расширяют социальные связи конкретного домохозяйства.

Они становятся одним из способов преодоления противоречий, появляющихся при социальном усложнении общества и образовании внутри культуры различных образов жизни. Участие в хозяйственных практиках, дополняющих кочевое скотоводство, имеет моральное значение и интерпретацию. Это показывает, что скотоводство и связанный с ним образ жизни является не только основной экономической жизни алтайцев, но и ценностью современной этнической культуры.

Литература

Алтайцы 2014 — Алтайцы: этническая история, традиционная культура, современное развитие / Отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск, 2014.

ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 14.11.2016).

Демографический ежегодник 2010 — Демографический ежегодник, 2010 год: Статистический сборник / Алтайстат. Горно-Алтайск, 2010.

Доронин 2015 — Доронин Д. Ю. Товарообмен, взаимопомощь и доля у алтайцев в постсоветский период // Торговля в этнокультурном измерении: Матер. XIV Междунар. Санкт-Петербургских этнографич. чтений. СПб., 2015. С. 140–144.

Дьяконова 2001 — Дьяконова В. П. Алтайцы: Матер. по этнографии теленгитов Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2001.

Екеев 2016 — Екеев Н. В. История изучения хозяйственно-культурных типов коренного населения Горного Алтая. Преобразования в экономике // Хозяйственно-культурный комплекс Горного Алтая: трансформации и традиции (конец XX — начало XXI в.) / Отв.

ред. Н. В. Екеев, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск, 2016. С. 21–79.

Енчинов 2016 — Енчинов Е. В. Трансформации в материально-бытовой культуре // Хозяйственно-культурный комплекс Горного Алтая: трансформации и традиции (конец XX — начало XXI в.) / Отв. ред. Н. В. Екеев, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск, 2016. С. 80–74.

Баскаков 2005 — Ойротско-русский словарь / Сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Тошакова. Репр. изд., [изд. 2-е]. Горно-Алтайск, 2005.

Республика Алтай в цифрах 2006 — Республика Алтай в цифрах: Юбилейный статистический сб. / Ред. Н. Д. Лаухин Горно-Алтайск, 2006. С. 49

Тюркские народы Сибири 2006 — Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М., 2006.

Тюхтенева 2009 — Тюхтенева С. П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX в. Элиста, 2009.

Тюхтенева 2011 — Тюхтенева С. П. Скотоводство у современных алтайцев // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. №3.

Халемба 2006 — Halemба A. The Telengits of Southern Siberia. Landscape, religion and knowledge in motion. London; New York, 2006.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Независимый исследователь: Российская Федерация, Московская обл., г. Одинцово; e-mail: De.maslov@gmail.com

IN BETWEEN FARMER AND SHEPHERD: ECONOMY AND WAY OF LIFE OF THE CONTEMPORARY ALTAIANS

DENIS MASLOV

(Independent researcher: Russian Federation, Moscow Region, Odintsovo City)

Summary. *Animal husbandry is essential to economy and the way of living of majority of the Altaians living in Altay Republic now. Although it is not limited (neither economically, nor socially, nor culturally) by herding itself, but includes other economic activities which overall represent a system of social relations of the Altaians. The system of social relations reflects how contemporary culture adapts to the challenges' of social complication, creates mechanisms for integration of various ways of life and makes them mean cultural.*

Key words: *contemporary culture of the Altaians, animal husbandry, way of life, social complexity, social integration.*

References

- Baskakov N. A., Toshchakova T. M.** (comp.) (2005) Oyrotsko-russkiy slovar' [Oyrot (Proper Altaian) — Russian Dictionary]. Reprinted [the 2nd ed.]. Gorno-Altaysk. In Russian and in Proper Altaian Languages.
- Doronin D. Yu.** (2015) Tovarobmen, vzaimopomoshch' i dolya u altaytsev v postsovetskiiy period [Goods' Barter, Mutual Aid and Share among the Altaians during the Post-Soviet Period]. *Torgovlya v etnokul'turnom izmerenii* [Trade in the Ethno-Cultural Dimension. Materials of the 14th International St.-Petersburg Ethnographic Readings]. St. Petersburg. Pp. 140–144.
- D'yakonova V. P.** (2001) Altaytsy: Mater. po etnografii telengitov Gornogo Altaya [Altaians: Materials on Ethnography of Telengits at the Upper Altay]. Gorno-Altaysk. In Russian.
- Ekeev N. V.** (2016) Istoriya izucheniya khozyaystvenno-kul'turnykh tipov korennoogo naseleniya Gornogo Altaya. Preobrazovaniya v ekonomike [History of Studies of the Household-Cultural Types of the Indigenous Population of the Upper Altay]. *Khozyaystvenno-kul'turnyy kompleks Gornogo Altaya: transformatsii i traditsii (konets XX — nachalo XXI vv.)* [Household-Cultural Complex of the Upper Altay. Transformations and Traditions]. Gorno-Altaysk. Pp. 21–79. In Russian.
- Ekeev N. V.** (ed.) (2014) Altaytsy. Etnicheskaya istoriya, traditsionnaya kul'tura, sovremennoe razvitiye [Altaians. Ethnic History, Traditional Culture, Contemporary Development]. Gorno-Altaysk. In Russian.
- Enchinov E. V.** (2016) Transformatsii v material'no-bytovoy kul'ture [Transformations in Material Culture and Everyday Life]. *Khozyaystvenno-kul'turnyy kompleks Gornogo Altaya: transformatsii i traditsii (konets XX — nachalo XXI v.)* [Household-Cultural Complex of the Upper Altay: Transformations and Traditions]. Gorno-Altaysk. Pp. 80–74. In Russian.
- Halemba A.** (2006) The Telengits of Southern Siberia. Landscape, Religion and Knowledge in Motion. London; New York. In English.
- Funk D. A., Tomilov N. A.** (eds.) (2006) Tyurkskie narody Sibiri [Turkic Peoples of Siberia]. Moscow. In Russian.
- Laukhin N. D.** (ed.) (2006) Respublika Altay v tsifrakh: Yubileynyy statisticheskiy sb. [Altay Republic in Numbers: Anniversary Statistical Collection]. Gorno-Altaysk. In Russian.
- Tyukhteneva S. P.** (2009) Zemlya. Voda. Khan Altay: etnicheskaya kul'tura altaytsev v XX v. [Terrain, Water, Altay the Khan: Ethnic Culture of Altaians in the 20th Century]. Elista. In Russian.
- Tyukhteneva S. P.** (2011) Skotovodstvo u sovremennykh altaytsev [Animal Husbandry among Contemporary Altaians]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya Pedagogika, psikhologiya* [Humanitarian Vector. Series Pedagogics, Psychology]. 2011. No. 3. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: De.maslov@gmail.com
Odintsovo city, Moscow region, Russian Federation
Independent researcher
